

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ВОСПРИЯТИИ СВЯТОПОЛКА-МИРСКОГО

Марина Кривенкова
(Гарту)

Среди литераторов и мыслителей русского зарубежья Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский пользовались огромным авторитетом. Достоевский приобретает важность для тех писателей-эмигрантов, которые относятся к эволюции человечества как реализации божественной идеи (Д. С. Мережковский). Особую ценность Достоевский — художник и мыслитель — представляет для символистов. Некоторые видные литераторы и мыслители зарубежья подчеркивают значение Достоевского как писателя, открывшего истинное предназначение человека на основе глубокого понимания православия (Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, С. Н. Булгаков, Г. В. Флоровский, К. В. Мочульский). Толстой же актуален для защитников так называемого «реального», «практического», «трезвого» взгляда на жизнь (И. А. Бунин, Г. В. Адамович, М. А. Алданов). Обращаясь в 1928-29-х гг. к рассмотрению личности и творчества Толстого, Святополк-Мирский проповедует «трезвый» и реалистический взгляд на жизнь. Он пишет: «<...> вылезая понемногу из болот символистской эпохи, мы начинаем понимать духовно-гигиеническое превосходство чистого и свежего воздуха толстовской логики над тяжелыми испарениями гностической метафизики и эмоциональной онтологии»¹.

Князь Д. П. Святополк-Мирский — одна из самых противоречивых фигур литературного мира русского зарубежья. Мирский — потомственный князь, сын министра внутренних дел, участник белого движения. С 1931 г. он становится членом английской коммунистической партии и сторонником советского строя. Блестящий критик и литературовед, Мирский — автор одной из лучших книг по истории русской литературы, написанных в эмиграции². С 1922 по 1932 гг. он — профессор в школе

славянских исследований Королевского колледжа Лондонского университета.

В 1928 г., в связи со столетним юбилеем Льва Толстого, Святополк-Мирский публикует в парижской газете «Евразия» статью «О Толстом». Нас интересует, как критик-эмигрант оценивает этику Толстого, в частности, толстовское учение о морали.

Говоря об оценке Мирским толстовского учения, необходимо учитывать идеологическую позицию критика. В год написания статьи Мирский еще являлся сторонником евразийства. Для нас важно, что евразийская концепция личности строится на понимании ее как соборной, предполагающей единство индивидов. Православная церковь для евразийцев — единственное непорочное выражение христианства³.

Сам Мирский в статье "The Eurasian movement" (1927) характеризует евразийство так: «Евразийцы ищут свои идеалы в православном христианстве, в идее соборности <...>. Они стремятся к соединению мистического сознания с практической деятельностью, идеализма с материализмом»⁴. Более того, критик сближает и отождествляет евразийство с большевизмом. Когда он пишет о соединении мистического сознания с практической деятельностью, он приводит в пример ленинский план электрификации России, а в «соборной личности» евразийцев видит аналогию большевистскому коллективизму⁵. Как отмечал Мирский в одном из писем к М. Горькому, 1928 год был для него переломным, он находился в это время в начале пути, приведшего его «к полному и безоговорочному приятию коммунизма»⁶. С Горьким Мирский знакомится в январе 1928 г. в Италии. Эта встреча произвела на него огромное впечатление⁷, что, вероятно, повлияло и на политические взгляды критика. Характеризуя евразийство в англоязычной статье «Современные течения в русской литературе» (1928), Мирский говорил о практически полном приятии евразийцами социальных и политических завоеваний революции⁸.

Для Мирского актуальна христианская идея, которая в его сознании сближается с коммунизмом. Критик призывает сочетать мистику с практикой, идеализм с материализмом. Толстовское учение Святополк-Мирский оценивает сквозь призму христианских и коммунистических идей.

Лев Толстой важен для Мирского, в первую очередь, как мыслитель, затрагивающий проблемы всечеловеческой морали⁹: «<...> непосредственно очевидно, что Толстой — человек исключительно больших моральных размеров, жизнь которого имеет сверх-индивидуальное, все-человеческое значение»¹⁰. Учение Толстого Мирский признает этически и религиозно неприемлемым.

Говоря о религиозной стороне толстовской теории морали, критик-эмигрант находит, что Толстой истолковал свой духовный опыт софистически, «несоответственно его истинному смыслу». Мирский критикует писателя за индивидуалистическое истолкование христианской идеи о братской любви: «Сделал он <Толстой> это, соблазненный индивидуалистической гордостью, поняв братскую любовь к ближнему не как братнее благо, а как свою добродетель; поставив вопрос не "как спасти мир от власти зла", а "как мне быть добрым в мире зла", перенеся вопрос из объективного в субъективное; из общего в личное; из Божьего и вселенского в свое, внутреннее»¹¹. Таким образом, Мирский критикует Толстого за индивидуализм, противоречащий основным принципам христианской этики.

Рассматривая непосредственно моральную сторону учения, критик не принимает толстовской теории о непротивлении злу насилием, считает, что Толстой призывает к пассивности: «Наше отношение к этике Толстого должно тоже опираться на различие между основным зерном и его софистическим истолкованием. На основной вопрос — так что же нам делать? — Толстой ответил: "Не противься злему", иначе говоря, "ничего не делать"»¹². Сам же Мирский призывает «судить и действовать, а не развалившись, как Даная, эстетически отдаваться золотому дождю созерцательных ценностей»¹³. Бесспорно, здесь сказывается стремление Мирского к практическому осуществлению идей.

В размышлениях о Толстом Святополк-Мирский решает проблему индивидуального и социального, отдавая предпочтение социальному¹⁴. Содержание этики, по мнению критика, «прежде всего должно быть социально»¹⁵. Поэтому Мирский отмечает как заслугу социальное содержание этики Толстого, которое он усматривает в толстовской идее о «братстве». Для Мирского важна

конечная цель толстовского учения — человеческое братство, а не пути осуществления Толстым этой цели. Этика братства, по Мирскому, — «этика отождествления себя со всяким другим братом — человеком»¹⁶. Видимо, критик перефразирует таким образом коммунистическую этику равенства. Он критикует писателя за то, что тот не понял «братство» как внеличное и объективное, «обусловил его психологически и в сущности свел к вопросу внутренней моральной гигиены»¹⁷. Целеустремленность этики Толстого, с точки зрения Мирского, перестает быть социальной и становится «сугубой формой индивидуализма».

Таким образом, Мирский движется от христианского братства к братству коммунистическому, стремится соединить социализм с христианством. Несмотря на свою критику, Мирский придает огромное значение Толстому — Учителю как выразителю социальной правды, обличителю существующего социального строя: «Праведность и неизбежность его обличений, несших всю силу и весь заряд его личности и его опыта, ни в какой мере ни уменьшались от сопровождавшей их софистики»¹⁸. Кроме того, в тексте статьи присутствует указание на общность Толстого с революционерами: «Революционеры почувствовали в Толстом своего; <...> но не подлежит сомнению, что своим учительством и вопреки своему учению Толстой делал общее с ними дело»¹⁹. В своей «Истории русской литературы», написанной годом раньше рассматриваемой нами статьи, Мирский соглашается с Н. К. Михайловским, высказавшим мысль о революционной основе толстовского мировоззрения. Более того, он пишет, что Толстой стал великой силой на стороне Октябрьской революции. Определяя учение Толстого в политическом аспекте как анархизм (поскольку писатель осудил все существующие формы принуждения), Мирский подчеркивает, что Толстой нередко «обрушивался» на те же институты, что радикалы и революционеры. Учение же писателя о частной собственности в своем негативном аспекте совпадало с социализмом²⁰.

В критике буржуазного мироустройства Толстой сближается с коммунистами, что дает Мирскому основание проводить параллель между ними. Таким образом, религиозно-этические воззрения Толстого становятся для Святополк-Мирского тем «материа-

лом», посредством которого критик обосновывает свой переход на коммунистические позиции. Мирский, эволюционируя в сторону коммунизма, подразумевающего общественно-коллективное существование, критикует Толстого за индивидуалистическую мораль. В этот период он пишет ряд статей и о других писателях и поэтах, в которых также высказывает большевистские идеи. Евразийцы-единомышленники расценили статьи Мирского о творчестве Б. Пильняка, Вяч. Иванова, М. Цветаевой как прямую апологию советского строя.

В статье "Some remarks on Tolstoy" (1929) Святополк-Мирский также затрагивает проблемы этики Толстого, в частности, толстовской индивидуальной нравственности. Критик считает, что доктринальная и нетерпимая природа толстовского учения — прямой результат «нарциссизма» писателя. Толстой — экстравертный «нарцисс», действия которого полностью подчинены его эгоистическим интересам²¹. По Мирскому, в толстовской теории о любви к ближнему Толстому как «нарциссу» близка прежде всего идея о любви к себе. «Чувство любви к ближнему для Толстого необязательно²², — писал Мирский в "Истории русской литературы", — нравственность Толстого — нравственность счастья, а также чистоты, но не сострадания».

Мы предполагаем, что в оценке Мирским толстовской этики сыграли свою роль и горьковские воспоминания о Толстом, с которыми у критика прослеживаются идейные переклички. М. Горький опубликовал очерк «Лев Толстой» в 1919 г. Горьковские воспоминания о Толстом Мирский считал лучшими среди известных ему воспоминаний о писателе, называя их гениальным портретом Толстого, достойным оригинала²³. Еще до личного знакомства с Горьким Мирский писал о нем как об одном из величайших писателей современности.

Горьковская оценка толстовской нравственности фактически совпадает с оценкой Мирского. По Горькому, Толстой, вооружившись своим учением, преследует исключительно личные интересы. С одной стороны, учение Толстого, как считает Горький, является средством на пути к святости. Писатель желает даже деспотически навязать людям проповедь. Осознавая неубедительность своего учения, Толстой хочет «пострадать» за него,

чтобы тем самым усилить значение учения, освятив его страданием. Происходит это вследствие стремления быть святым в глазах людей: «Он вообще любил прыгать, но всегда — в сторону утверждения святости своей и поисков нимба»²⁴, — утверждает Горький. С другой стороны, проповедь Толстого служит писателю средством защиты от людей. По Горькому, Толстому необходимо было что-то «сунуть» людям, чтобы они не отвлекали его от размышлений о «самом главном», — о смерти.

Как нам кажется, утверждение Мирского о том, что Толстой — эгоистичный «нарцисс», пересекается с горьковским представлением о нравственности писателя как нравственности эгоистической. Горький говорит и об отсутствии у писателя любви к людям: «Он часто казался мне человеком непоколебимо <...> равнодушным к людям, он есть настолько выше, мощнее их, что они кажутся ему подобными мошкам, а суета их — смешной и жалкой»²⁵.

Во-вторых, критика Мирским теории непротivления злу насилем совпадает с горьковской точкой зрения по этому вопросу. Горький и в более ранних статьях не принимал учения Толстого²⁶. Придерживается он этого же мнения и в названном очерке. Передавая разговор с Толстым, Горький замечает: «Я сказал, что люблю людей активных, которые желают противиться злу жизни всеми способами, даже и насилем»²⁷. Мирский, критикуя толстовское учение о непротivлении, пишет в статье «О Толстом»: «Мы не верим ему <Толстому>, что для дела социальной правды лучше ничего не делать»²⁸.

Мирский, как и Горький в критике Толстого, соприкасается и с позицией В. И. Ленина. Ленин в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908) усматривает в Толстом косвенного виновника поражения первой революции, так как толстовские идеи о непротivлении способствовали поражению рабоче-крестьянских восстаний²⁹.

Горький рассматривает непротivление Толстого на фоне жестокого угнетения и насилия над русским народом. Ленин в толстовской проповеди непротivления усматривает отрицательные последствия для революции. Критика же Мирского более умеренна. Непротivление Мирский трактует лишь как пассивное

отношение к жизни. Если для Горького и Ленина актуальна идейная борьба с Толстым, то для Мирского Толстой — автор, мысли которого подтверждают некоторые положения евразийской доктрины.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Святополк-Мирский Д. П.* О Толстом // D. S. Mirsky: Uncollected writings on russian literature. Berkeley, 1989. С. 290.
- ² *Мнухин Л.* Легенды и быль: О смерти князя Д. П. Святополк-Мирского // Русская мысль. 1996. № 4129. С. 10.
- ³ *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Евразийский искус // Философские науки. 1991. № 12. С. 104.
- ⁴ Цит. по: *Казнина О. Д.* Мирский. Несобранные статьи о русской литературе // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 225.
- ⁵ *Казнина О.* Русские в Англии. М., 1997. С. 130.
- ⁶ Там же. С. 138.
- ⁷ Интересующая нас статья «О Толстом» была опубликована спустя 11 месяцев (в ноябре 1928 г.) после встречи Мирского с Горьким.
- ⁸ *Казнина О.* Русские в Англии. С. 130.
- ⁹ Ср.: в «Истории русской литературы» Мирский высказал следующее соображение о Толстом: «Говоря в человеческих категориях, невозможно отрицать, что это был самый огромный человек (не самый лучший и, может быть, даже не самый великий, но в моральном смысле самый объемистый) <...>» (*Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы. London, 1992. С. 391).
- ¹⁰ *Святополк-Мирский Д. П.* О Толстом. С. 288.
- ¹¹ Там же. С. 291.
- ¹² Там же. С. 292.
- ¹³ Там же. С. 290.
- ¹⁴ См. об этом: *Smith G. S.* D. S. Mirsky, literary critic and historian // D. S. Mirsky: Uncollected writings on russian literature. Berkeley, 1989. С. 25.
- ¹⁵ *Святополк-Мирский Д. П.* О Толстом. С. 291.
- ¹⁶ *Святополк-Мирский Д. П.* Чехов // D. S. Mirsky: Uncollected writings on russian literature. С. 300.
- ¹⁷ *Святополк-Мирский Д. П.* О Толстом. С. 292.
- ¹⁸ Там же. С. 293.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы. С. 464.

- ²¹ *Святополк-Мирский Д. П.* Some remarks on Tolstoy // D. S. Mirsky: Uncollected writings on russian literature. Berkeley, 1989. С. 305.
- ²² *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы. С. 468.
- ²³ Там же. С. 470.
- ²⁴ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1951. Т. 14. С. 279.
- ²⁵ Там же. С. 280.
- ²⁶ *Горький М.* Заметки о мещанстве // Собр. соч.: В 30 т. М, 1953. Т. 23. С. 449.
- ²⁷ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1951. Т. 14. С. 288.
- ²⁸ *Святополк-Мирский Д. П.* О Толстом. С. 293.
- ²⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1976. Т. 17. С. 213.